

«Мягкая сила» Китая и ее восприятие в России

China's «Soft Power» and its perception in Russia

DOI: 10.12737/2587-6295-2025-9-2-203-215

УДК 327

Получено: 19.04.2025

Одобрено: 23.05.2025

Опубликовано: 25.06.2025

Матюхин А.В.

Д-р полит. наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Института международных отношений и социально-политических наук (факультет), ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», профессор кафедры социально-гуманитарных наук и технологий, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», профессор кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин, АНО ВО «Институт международных экономических связей», г. Москва
e-mail: avmpl@mail.ru

Matiukhin A.V.

Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of International Relations and Russian Foreign Policy, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), Moscow State Linguistic University, Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences and Technologies, National Research Moscow State University of Civil Engineering, Professor of the Department of Humanities and Natural Sciences, Institute of International Economic Relations, Moscow
e-mail: avmpl@mail.ru

Давыдова Ю.А.

Канд. ист. наук, директор Центра социально-политических исследований, доцент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», г. Москва
e-mail: Davydova.YA@rea.ru

Davydova Yu.A.

Candidate of Historical Sciences, Director of the Center for Social and Political Research, Associate Professor of the Department of Political Analysis and Social and Psychological Processes, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow
e-mail: Davydova.YA@rea.ru

Рыжая Р.Р.

Well-being менеджер компании ООО «АЭРОКОМ», г. Москва
e-mail: tomck220011@mail.ru

Ryzhaia R.R.

Well-being manager of AEROCOM Ltd., Moscow
e-mail: tomck220011@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные конструкторы «мягкой силы» Китая, выявляется, что ее фундаментом выступают ценности конфуцианства как основы китайской цивилизации. Отмечается, что в современном мире инструменты «мягкой силы» действуют

продолжено во времени, и оказывают порой более эффективное воздействие, чем методы силовые. Последние пять лет, в соответствии с международным индексом Soft Power, Китай входит в пятерку стран, наиболее успешно использующих методы Soft Power. Цель нашего исследования – выявление ценностной основы китайской «мягкой силы» и ее основных конструктов, которые позволяют Китаю эффективно взаимодействовать в международном политическом пространстве. В статье были применены как общенаучные методы, включая системный и сравнительный подходы, анализ и синтез, так и активно использовались методы эмпирического исследования. Авторами был проведен социологический опрос молодежи России в возрасте 18-35 лет. Целью эмпирической части статьи выступало выявление эффективности воздействия китайской «мягкой силы» в России, и прежде всего – на молодую аудиторию. Больше половины респондентов оценивают отношения между Китаем и Россией как позитивные и очень позитивные, а положительное отношение к китайским гражданам отметили две трети опрошенных. Основным инструментом китайской «мягкой силы» в Российской Федерации значительная часть опрошенных считает сферу образования. При этом респонденты одинаково положительно оценивают, как рост числа китайских студентов в российских вузах, так и обучение российских студентов в Китае. Также позитивно относятся молодые люди к китайским экономическим инвестициям, признавая взаимную выгоду и стратегическую важность экономических связей. Две трети респондентов поддерживают изучение китайского языка в школах и университетах. Более половины респондентов считают китайскую культуру привлекательной или очень привлекательной и высоко оценивают китайские культурные мероприятия, проходящие в нашей стране. В то же время часть респондентов отметила, что необходимо усиление контроля за китайским культурным и образовательным влиянием, так как это может угрожать российской национальной идентичности. В статье отмечается, что особенность реализации «мягкой силы» Китая выгодно отличает ее от специфики агрессивной «мягкой силы» Запада, значительно ориентированной на смену политических режимов стран – конкурентов. Результаты социологического опроса в России показали, что китайские инструменты «мягкой силы» демонстрируют свою эффективность, в том числе в молодежной среде. Конфуцианство как ее ценностная основа остается актуальным и в современном мире. Теоретическая значимость статьи состоит в выявлении основных параметров китайской «мягкой силы» и способах ее продвижения в зарубежных странах. Практическая значимость статьи состоит в выявлении степени и эффективности восприятия российской аудиторией, и в первую очередь – молодежью, особенностей китайской «мягкой силы». Это приобретает особую важность в ситуации актуальной геополитической напряженности, в результате которой Россия и Китай становятся близкими партнерами в противостоянии Западу. В статье делается вывод о том, что перспективы сотрудничества России и Китая в ценностном поле «мягкой силы» выглядят оптимистично и открывают широкие возможности для дальнейшего укрепления как двусторонних отношений, так и усиления международных позиций двух крупнейших евразийских держав.

Ключевые слова: «мягкая сила», «мягкие технологии», Китай, Россия, конфуцианство, ценности, ШОС, респонденты.

Abstract

The article examines the main constructs of China's "soft power" and reveals that it is based on the values of Confucianism as the foundation of Chinese civilization. It is noted that in the modern world, the tools of "soft power" act over time, and sometimes have a more effective effect than the methods of force. Over the past five years, according to the international Soft Power Index, China has been among the top five countries using Soft Power methods most successfully. The purpose of our research is to identify the value base of Chinese "soft power" and its main constructs that allow China to effectively interact in the international political space. The article applied both general scientific methods, including systematic and comparative approaches, analysis and synthesis, and actively used empirical research methods. The authors

conducted a sociological survey of Russian youth aged 18-35 years. The aim of the empirical part of the article was to identify the effectiveness of the impact of Chinese "soft power" in Russia, and above all, on a young audience. More than half of the respondents rate the relations between China and Russia as positive and very positive, and two thirds of the respondents noted a positive attitude towards Chinese citizens. A significant part of the respondents considers the education sector to be the main instrument of Chinese "soft power" in the Russian Federation. At the same time, respondents have an equally positive assessment of both the growth in the number of Chinese students in Russian universities and the education of Russian students in China. Young people also have a positive attitude towards Chinese economic investments, recognizing the mutual benefits and strategic importance of economic ties. Two thirds of the respondents support learning Chinese in schools and universities. More than half of the respondents consider Chinese culture attractive or very attractive and highly appreciate Chinese cultural events taking place in our country. At the same time, some respondents noted that it is necessary to strengthen control over Chinese cultural and educational influence, as this may threaten Russian national identity. The article notes that the peculiarity of the implementation of China's "soft power" distinguishes it favorably from the specifics of the aggressive "soft power" of the West, which is significantly focused on changing the political regimes of competing countries. The results of a sociological survey in Russia have shown that Chinese tools of "soft power" demonstrate their effectiveness, including among young people. Confucianism as its value base remains relevant in the modern world. The theoretical significance of the article is to identify the main parameters of Chinese "soft power" and ways to promote it in foreign countries. The practical significance of the article is to identify the degree and effectiveness of the perception of the Chinese "soft power" by the Russian audience, and primarily by young people. This is particularly important in a situation of urgent geopolitical tension, as a result of which Russia and China are becoming close partners in opposing the West. The article concludes that the prospects for cooperation between Russia and China in the value field of "soft power" look optimistic and open up wide opportunities for further strengthening both bilateral relations and strengthening the international positions of the two largest Eurasian powers.

Keywords: "soft power", "soft technologies", China, Russia, Confucianism, values, SCO, respondents.

Введение

В современной мировой политике и истории международных отношений применение «мягких технологий» для внешнеполитического влияния закономерно чередуется с более жесткими, силовыми методами воздействия. Силовые методы традиционно усиливают опасения о более масштабном разрастании военных конфликтов, а также оцениваются с позиции тех или иных издержек для противостоящих сторон. Поэтому часто государства – субъекты международных отношений стремятся к максимальному использованию технологий «мягкой силы», и лишь при исчерпании их возможностей могут принять решение о применении более жестких методов воздействия.

В этой связи важно подчеркнуть, что «мягкие» технологии, особенно в контексте развивающегося «информационного общества» являются важным инструментом удержания и формирования общественного мнения не только в стране-субъекте, но и в объекте. Согласно аналитике международного индекса Soft Power, Китайская Народная Республика на протяжении последних пяти лет входит в пятерку наиболее успешных стран, эффективно использующих «мягкую силу» в своей внешней политике.

Технологии «мягкой силы» не только освещаются в официальных выступлениях Председателя КНР, Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина, но и расширяются в контексте методологической и аналитической базы благодаря научному сообществу Китая, которое ищет новые способы влияния и пропаганды внутри разных мировых регионов.

Современная «мягкая сила» Китая базируется на обновленной концепции Си Цзиньпина о «четырех уверенностях», которая изначально была создана его

предшественником на государственных постах Ху Цзиньтао, и называлась концепция «трех уверенностей». В нее включены:

- уверенность в пути развития: Китай уверен в выбранном им социалистическом пути развития и считает, что построил эффективную социалистическую систему;
- уверенность в своей идеологии: Китай уверен в правильности марксистско-ленинской теории и китайского социализма, который основан на этой теории;
- уверенность в своей культуре: Китай уверен в том, что китайская культура имеет уникальную ценность и способствует развитию страны;
- уверенность в собственной силе: Китай уверен в своей способности решать все внутренние и внешние проблемы самостоятельно, без вмешательства извне [8, с.40].

Основным проводником китайской «мягкой силы» выступает Институт Конфуция, который имеет отделения в 154 странах мира. Конфуцианская «мягкая сила» ориентирована на культурную и дипломатическую экспансию, что включает в себя: продвижение китайского языка и культуры через Институты Конфуция, культурный обмен, образовательные программы, международные форумы.

Китай является одним из основных внешнеполитических партнеров Российской Федерации, поэтому его инструментарий «мягкой силы» выступает актуальной проблемой для исследования.

Обзор научной литературы

Статья базируется на изучении феномена «мягкой силы» - категории введенной и популяризированной американским политологом Дж. Наем-младшим. В частности, в своих трудах Дж. Най описывает механизмы действия «мягкой силы». По его мнению, одним из важных факторов успеха нового геополитического вектора использования «моральных» способов достижения целей является способность создать вокруг своей политической идеи настолько доброжелательную и притягательную атмосферу, что другие страны сами захотят встать на сторону государства-субъекта [12].

Таким образом, «мягкая сила» — это инструмент, который позволяет субъектным государствам выстраивать такую внешнюю политику, при которой у объектов воздействия возникает «эффект притяжения», создается видимость общих ценностей и ориентиров, формируется иллюзия единения.

Китайский политолог Я. Сюэтуна, исследуя данную проблематику, ставил в основу инструментария «мягкой силы» безопасность, политику и экономику как факторы улучшения позиции государства на международной арене [18, с. 24].

При этом и Най, и Сюэтуна сжали анализ от системы - к определенному актору, создали индивидуалистский подход, который учитывает независимые переменные, что в целом несвойственно для представителей либерализма и реализма в теории международных отношений, рассматривающих государство как целостный организм.

У Ная и Сюэтуна заострена концепция лидерства, важность исходящих от государственного лидера решений в продвижении «мягкой силы». Но существует и ряд различий в концепциях этих ученых, представленных на рисунке 1.

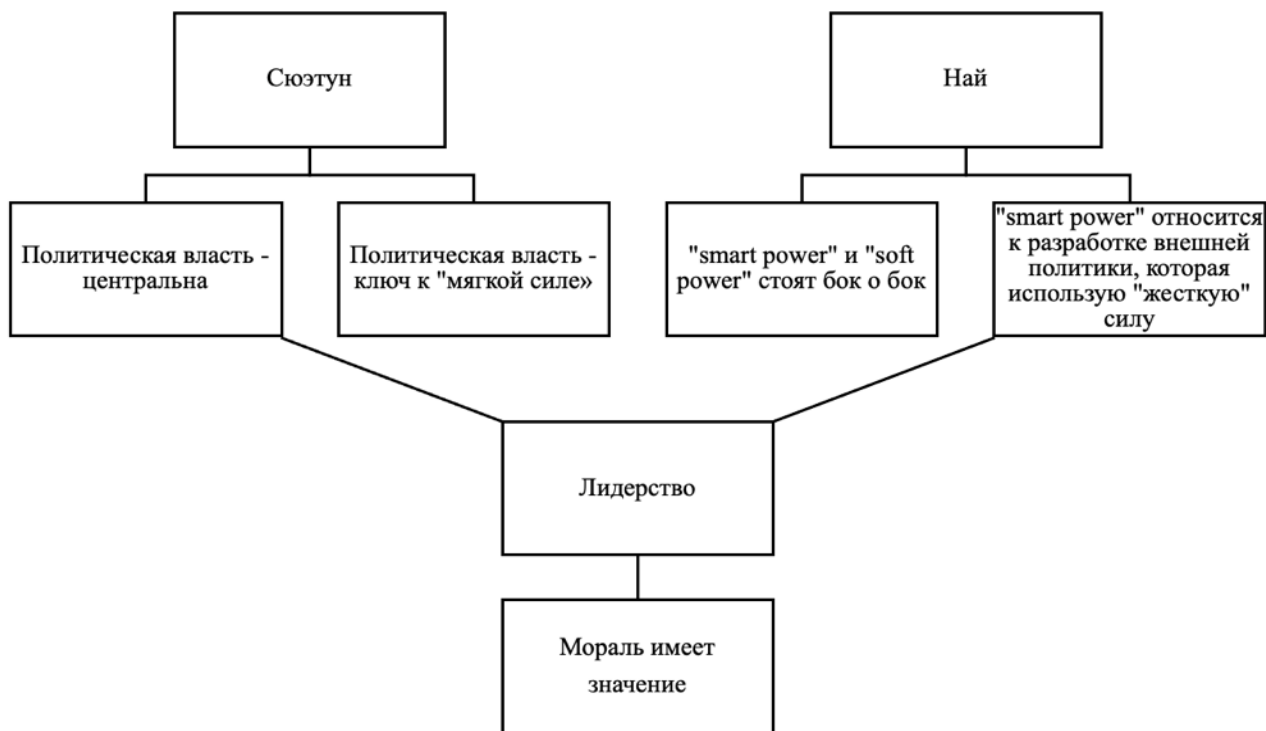

Рис. 1. Различия в понимании «мягкой силы» Сюэтун и Д. Ная

Своя интерпретация феномена «мягкой силы» в контексте «массовой культуры» была представлена в рамках философии Постмодерна, оперирующей рядом категориальных формул. Такими формулами являются, например, понятие «соблазна» Ж. Бодрийера, «обольщение» у Ж. Липовецкого, «текущая современность» у З. Баумана.

Концепция французского культуролога Ж. Бодрийера акцентирует внимание на идее иллюзорного следования за предметом, который может очаровать и помещать человека в виртуальную реальность, куда он погружается без особых усилий извне. Соблазн в данном контексте становится важной силой, происходящей без принуждения, по собственному желанию [1, с. 113]. В этом контексте массовая культура становится одним из важнейших инструментов «мягкой силы». Например, привлекательность американского образа жизни, транслируемая голливудскими фильмами.

По мнению другого французского философа Ж. Липовецкого, возможности «обольщения» в современном обществе связаны с медиатизацией информационных технологий, которые порождают вовлеченность и интерактивность. Исследователь подчеркивает, что в современной культуре часто происходит замещение реальности иллюзией, создаваемой потоком изображений, рекламы и медийных воздействий. Близка к этому и социологическая позиция З. Баумана, полагающего, что изображаемый мультимедиа «Легкий мир» создает иллюзию превосходства того или иного образа жизни. Ярким примером такой трансляции выступают американские и корейские сериалы и японские мультфильмы.

Различные аспекты изучения «мягкой силы» представлены в работах таких зарубежных исследователей, как С. Сан, Г. Моргентхау, В. Платт, С. Зоппо. Достаточно подробно подходы китайской «мягкой силы» изучались С. Саном, обозначившим конфуцианство в качестве основы трансляции идеологической составляющей китайской soft power [17]. Американские ученые С. Зотто и В. Платт рассматривают структуру «мягкой силы» в контексте становления мультиполярности, и во многом отводят ей роль гаранта международной стабильности [9, с. 230]. Г. Моргентхау также выявляет стабилизирующую функцию «мягкой силы» в системе современных международных отношений [11].

Российский исследователь Р.А. Гриценко отмечает, что качество инструментов «мягкой силы» зависит от отношения объекта к субъекту, которое складывается

на протяжении долгого времени и обусловлено историческими факторами и предпосылками [5, с.130].

Китайско-конфуцианская парадигма в контексте современного мира была объектом дискурса в трудах Э.Н. Дармиловой и И.А. Джазаевой [6, с. 46-50], Ш. Хэнтань [15], И.Г. Гердера [4], А.И. Кобзева [8], Л.Н. Борох [2], А.В. Сердюка [14]. Данные авторы особо акцентируют внимание на том, что конфуцианство создавалось как этико-политическая доктрина, направленная на регулирование жизни правящего класса и его отношения с подчиненными, веками выстраиваемое на морально-нравственном базисе. Формирование этого мировоззрения привело к созданию исключительного социокультурного генотипа азиатского направления.

А.И. Кобзев, в частности, отмечает, что «в китайской философии этика имела не только социальный и антропологический, но также гносеологический и онтологический смысл». По этой причине обыденные, повседневные ситуации (термины, символы) всегда имели моральное значение [8, с. 32].

Российский исследователь О.Ю. Малинова заостряет внимание на том, что на современном этапе происходит переосмысление феномена коллективной памяти, включая определенные национальные символы, календарь праздников, регламентацию официальных ритуалов, государственную символику. «Работа над прошлым» представляет из себя элемент «мягкой» силы, который протекает в преактивном режиме» [10, с. 114].

В целом, исследование данной тематики предоставляет значительные резервы для дальнейшего изучения.

Методы

В статье были применены ряд общенаучных, теоретических методов. Для выявления основных параметров китайской «мягкой силы», ее ценностной основы и эффективных способах продвижения в зарубежных странах применялись системный и сравнительный подходы, анализ и синтез, логический метод, метод обобщения полученных данных.

Для эмпирической части статьи авторами была разработана анкета с целью проведения социологического опроса в форме онлайн-анкетирования. В опросе приняло участие 197 респондентов из Москвы, квотирование осуществлялось по полу, возрасту и территориальному признаку. Выборка: неслучайная, «метод снежного кома», (N=197), при доверительном интервале (погрешности) – $\pm 6,98\%$.

Демографические характеристики респондентов можно охарактеризовать следующим образом: возраст большинства опрошенных (76%) составляет 18–24 года. По половозрастному признаку респонденты распределились в соотношении 1:1 – 51,3% опрошенных женского пола, 48,7% – мужского.

Используемые в статье методы исследования позволили достаточно полно раскрыть заявленную проблематику.

Результаты анализа

Концепция «мягкой силы» в контексте конфуцианства – это интеграция культурных, моральных, идеологических инструментов для достижения геополитических целей без прямого применения военной силы («жесткой силы»). Конфуцианские принципы, такие как «ли» (ритуалы, порядок) «жень» (гуманность) и «сяо» (почтение к старшим) эффективно используются Китаем для формирования позитивного имиджа страны на международной арене и способствуют укреплению внутреннего единства государства. Данные принципы были важны также для формирования политических институтов, где правители действовали с добродетелью и мудростью, обеспечивая благополучие подданных.

Иерархическая система власти подразумевала строгие социальные роли и обязательства, способствуя устойчивости и предсказуемости политических отношений как внутри государства, так и за его пределами. В этом контексте концепция «Тянься»

(все под небом) служит основой для построения нарратива о мирном и эффективном развитии Китая, и его важной роли как ответственного глобального лидера.

Основными конструктами «мягкой силы» Китая во внешней политике выступают:

1) Сообщество единой судьбы человечества. Данное сообщество, по мнению китайского лидера Си Цзиньпина, необходимо для четкого понимания того факта, что каждое государство находится в одной «лодке» друг с другом, что в свою очередь формирует необходимость принятия решений, которые основаны на консенсусе в экономической, политической, культурной, экологической повестке, а также в вопросах безопасности [13, с. 279]. Путь дальнейшего позитивного развития глобализации - в переходе к многополярной структуре, которая характеризуется особой устойчивостью, а не хаотичностью и не конфронтационностью. Реализуя этот конструкт, генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин активно принимал участие в ряде встреч на высоком уровне, в частности, на 75-летие ООН, где широко раскрывались данные инициативы Китая по вопросам, которые относятся к стабильности и безопасности мира [3, с. 60].

2) Здоровье человека – приоритет государства. Китайская медицина занимает достаточно высокое место в общественно-политической повестке ряда стран Азии и Африки. Стоит отметить, что относительно недавно появился новый термин в теории международных отношений - «медицинская дипломатия», получивший широкую известность после Covid-19.

С 2019 года КНР развивает различные сферы здравоохранения, на основе которой оказывает гуманитарную помощь другим странам. Важным аспектом продвижения медицинской дипломатии стало проведение ряда конференций, где врачи из Китая делились опытом борьбы с эпидемией, профилактикой заболеваний и клинических исследований в разных областях. Крупный бизнес Китая, например, такие компании как Huawei и Alibaba, направили миллионы масок и тестов на определение Covid-19 в страны Восточной и Центральной Европы. Ряд экспертов отметили, что ситуация с пандемией в США и КНР были показательными для мирового сообщества. Китай проявил себя сильным государством, способным в кратчайшее время перестроиться на эпидемиологические рельсы и обеспечить снижение заболеваемости, в то время как США с данной задачей справились в разы хуже. Показательно, в этой связи, заявление одного из руководителей Всемирной организации здравоохранения Брюса Эйлварда: «Если я заражусь вирусом, надеюсь, что меня будут лечить в Китае. Я спросил врачей, сколько в больнице аппаратов ИВЛ? Они мне ответили, что 50-60. На вопрос, сколько у них имеется аппаратов ЭМО, мне ответили «5». Даже в пяти европейских больницах вы не найдете столько же оборудования, сколько в одной китайской» [16, с. 280].

3) Китайские диаспоры как проводник интересов Китая. Китай использует свои диаспоры (около 30 миллионов человек живет вне Китая) для налаживания культурных, политических и экономических контактов с другими странами. По сути — это единый фронт, коалиция китайцев из различных политических сил и движений за рубежом и внутри страны, которые всецело поддерживают Китайскую Народную Республику. Показательно, что в плане геополитического и геоэкономического противостояния эта ситуация серьезно беспокоит правительство США, и принуждает к пристальному вниманию со стороны спецслужб, полагающих, что данные сообщества могут быть агентами влияния Китая.

4) Проект «Один пояс – один путь». Сегодня он является крупнейшим инфраструктурным и логистическим проектом в мире, который стал важным стратегическим инструментом Китая. В настоящее время в нем задействованы 110 стран-участниц. Сюда также включается «Сообщество единой судьбы Китай – АСЕАН», что говорит о создании крупнейшей экономической зоны в мире. В рамках данного проекта у Китая есть пять основных направлений действия: усиление политической координации, строительство единой дорожной сети, ликвидация торговых барьеров и усиление торговли, переход на расчет в национальных валютах для увеличения валютных потоков и усиление демократии. Данная модель является принципиально новой в рамках международного

сотрудничества, и укрепляет действие региональных экономических партнерств стран, входящих в данную инициативу.

5) ШОС как платформа для продвижения интересов Китая. В 2025 году в составе ШОС насчитывается десять государств: Россия, Китай, Индия, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Таджикистан, Узбекистан, Иран и Беларусь. «Мягкая сила» Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества проявлялась в полной мере. Наиболее заметно это влияние реализуется области информации, в сфере деятельности медиа. Информация (СМИ и интернет - ресурсы как ее проводники) на современном этапе являются одним из глобальных векторов силы государства по причине роста их влияния на жизнь населения разных стран. Например, КНР активно использует форумы ШОС для консолидации связей между медиакомпаниями государств-участников, и распространению позитивного имиджа Китая в макрорегионе. В дополнении к этому Китайская Народная Республика использует ШОС как платформу для продвижения своей инициативы «Один пояс, один путь», которая включает в себя масштабные инфраструктурные проекты в самих странах-членах ШОС, и получают там ответную поддержку.

6) Образование. Важным элементом продвижения «мягких технологий» влияния является сфера образования. Например, Китай активно предлагает стипендии для студентов из стран-членов ШОС для обучения в китайских университетах. За последние годы десятки тысяч студентов из Центральной Азии обучались в Китае по различным стипендиальным программам. Это способствует формированию позитивного имиджа Китая и укреплению культурных связей со странами-партнерами.

Инструменты «Мягкой силы» КНР обычно используются двумя способами, в зависимости от задач, которые стоят перед страной в том или ином регионе (рис.2).

Реактивный способ используется для активизации усилий по улучшению имиджа Китая, а проактивный применяется в аполитичных сферах.

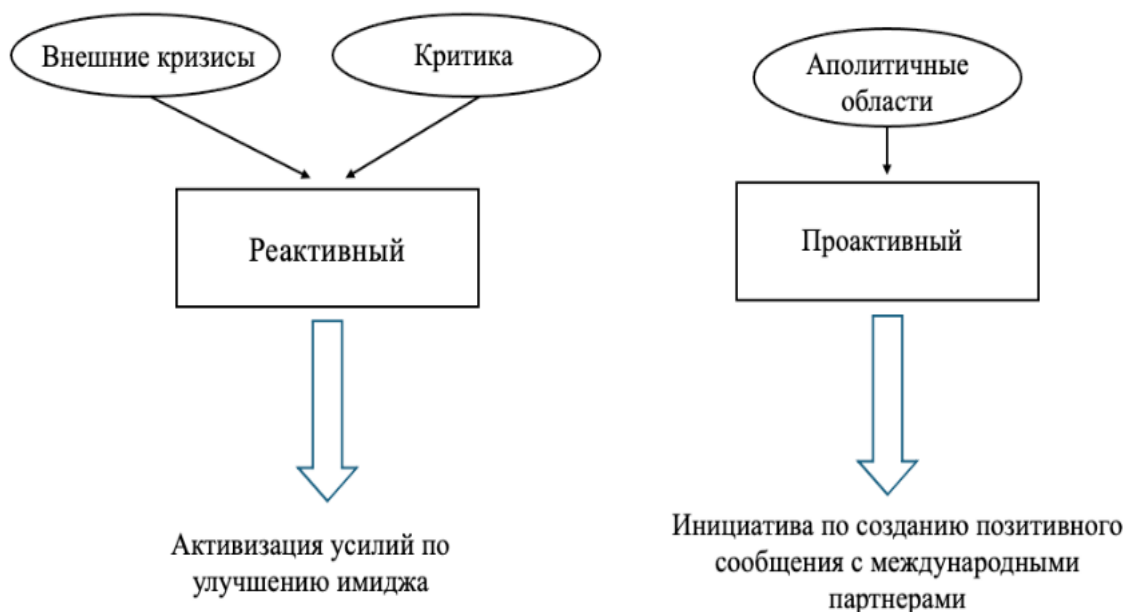

Рис. 4. Способы применения «мягкой силы» Китая

Для того, чтобы исследовать, насколько эффективно работает «мягкая сила» Китая в молодежной среде на примере России, авторами был организован социологический опрос молодых людей г. Москвы в возрасте от 18 до 35 лет.

Исследование проводилось по четырем блокам:

- 1) Образ Китая.
- 2) Инструменты «мягкой силы» и их эффективность.
- 3) Интерес к китайской культуре.
- 4) Партнерство России и Китая.

В рамках *первого блока* респондентам было предложено оценить текущие отношения между Китаем и Россией. Большинство респондентов оценивают данные отношения как позитивные или очень позитивные (в сумме 59,9%). Это свидетельствует о крепких двусторонних связях и взаимной выгоде в стратегическом партнерстве. Нейтральная позиция у 13,2% респондентов может говорить о том, что они считают отношения стабильными, но не видят особой динамики в их развитии. В то же время, 17,3% респондентов высказали негативное или очень негативное мнение, что может указывать на наличие определенных проблем или настороженности по поводу углубления сотрудничества.

Опрос показал, что прямое знакомство с китайскими гражданами оказывает значительное влияние на восприятие Китая в России. Позитивное или очень позитивное отношение к китайцам продемонстрировали 63,9% респондентов, что свидетельствует о важности межличностных контактов и их роли в формировании благоприятного общественного мнения. Однако 16,8% респондентов выразили негативное восприятие, что может быть обусловлено культурными различиями или негативным личным опытом.

Позитивное или очень позитивное отношение к увеличению числа китайских студентов в российских ВУЗах выразили 64,5% респондентов. Это подчеркивает признание важности академических обменов и интернационализации образования. Тем не менее, 21,4% респондентов высказывают негативное или очень негативное отношение, что может свидетельствовать о культурных различиях или конкуренции за учебные ресурсы.

Китайские СМИ достаточно широко распространены в российских социальных сетях и, несомненно, оказывают влияние на формирование положительного имиджа Китая в глазах наших соотечественников. Большинство респондентов (66%) считают, что китайские СМИ освещают события в России объективно или полностью объективно. Это свидетельствует о доверии к китайским медиа и их способности предоставлять достоверную информацию. Однако 22,8% считают освещение в основном или полностью необъективным, что указывает на наличие определенного скептицизма и возможные сомнения в независимости и беспристрастности китайских СМИ.

Вопрос о возможных угрозах китайской мягкой силы для российской культуры и национальной идентичности выявил, что значительное количество респондентов (55,3%) считают, что она угрожает или скорее угрожает. Это указывает на наличие обеспокоенности относительно влияния китайской культуры на национальную идентичность и суверенитет. В то же время больше трети респондентов не видят в этом угрозы, что подчеркивает наличие разногласий в данном вопросе.

Во *втором блоке* респонденты отметили наиболее активное использование инструментов «мягкой силы» в сфере образования и стипендий (32%), что отражает стратегию Китая по привлечению иностранных студентов и укреплению академических связей. Экономические инвестиции и культурные обмены также играют значительную роль (22,8% и 21,8% соответственно), что подчеркивает многообразие подходов Китая к продвижению своего влияния. СМИ и пропаганда занимают меньшую долю (17,8%), что может свидетельствовать о недостаточной эффективности этих каналов в сравнении с другими.

Более половины респондентов поддерживают или полностью поддерживают изучение китайского языка в школах и университетах (63%). Это показывает высокую степень интереса к языковому и культурному обмену. В то же время, 18,2% против изучения, что может быть связано с перегруженностью учебных программ или другими приоритетами в образовательной политике.

Интерес к китайским фильмам и сериалам достаточно высок (34,5%), что говорит о растущем влиянии китайской индустрии развлечений. Не интересуются китайскими фильмами и телевидением 13,2%, что может свидетельствовать о конкуренции с другими культурными продуктами или их недостаточной популяризации.

Позитивное или очень позитивное влияние китайских СМИ на восприятие Китайской Народной Республики отмечает значительное большинство респондентов (62,5%). Это подчеркивает эффективность медийной стратегии Китая в формировании позитивного имиджа страны. В то же время 23,8% респондентов оценивают влияние негативно или очень негативно, что может говорить о существовании критического восприятия среди части аудитории.

Третий блок был посвящен китайской культуре как части «мягкой силы» страны. Более половины респондентов считают китайскую культуру привлекательной или очень привлекательной (64%). Это указывает на успешность культурной дипломатии Китая. В то же время 24,8% респондентов выражают противоположное мнение, что может свидетельствовать о культурных различиях и барьерах в восприятии.

Большая часть респондентов (65,5%) имеет опыт взаимодействия с китайскими культурными центрами, что свидетельствует о высокой степени вовлеченности в культурные обмены. 14,7% слышали о них, но не посещали, и 17,3% никогда не слышали о них, что указывает на необходимость расширения информационной работы и продвижения культурных центров для повышения их узнаваемости и посещаемости.

Отношение к китайским культурным мероприятиям оценивается преимущественно позитивно (65%), что подчеркивает успех таких инициатив в укреплении культурных связей. Однако 22,4% респондентов оценивают их негативно, что может указывать на существование культурных барьеров или недостаточную адаптацию мероприятий к российским реалиям.

В **четвертом блоке** рассматривалась оценка респондентами партнерства России и Китая. Большинство респондентов (63%) считают Китай надежным партнером для России в международных делах, что подчеркивает высокий уровень доверия и стратегическое партнерство между странами. В то же время каждый пятый респондент высказывает скептицизм, что может быть связано с различиями в национальных интересах и внешнеполитических приоритетах.

Позитивное или очень позитивное отношение к экономическому сотрудничеству выразили 61,9% респондентов, что свидетельствует о признании взаимной выгоды и стратегической важности экономических связей. 16,9% респондентов высказали негативное или очень негативное отношение, что может указывать на опасения по поводу экономической зависимости или конкуренции.

Значительная часть опрошенных (61,4%) считает культурное сотрудничество между Россией и Китаем важным или очень важным для укрепления взаимопонимания между народами. Это отражает признание важности культурной дипломатии и обменов в международных отношениях. В то же время 26,9% респондентов считают его малозначимым или совсем неважным, что может свидетельствовать о скептицизме относительно эффективности таких инициатив.

По вопросу контроля за китайским культурным и образовательным влиянием мнения респондентов разделились. 53,8% считают необходимым или скорее необходимым усиление контроля, что может свидетельствовать о желании защитить национальные интересы и предотвратить чрезмерное внешнее влияние. 18,4% респондентов не видят в этом необходимости, что указывает на доверие к текущему уровню взаимодействия и его регулированию.

Таким образом, результаты опроса демонстрируют, что в российском обществе существует признание важности культурных и межличностных обменов с Китаем. Это, несомненно, способствует формированию позитивного восприятия и взаимопонимания между нашими странами. В то же время существует заметная доля обеспокоенности

относительно потенциального влияния китайской «мягкой силы» на национальную идентичность, политическую и экономическую ситуацию, что подчеркивает необходимость сбалансированного подхода в двусторонних отношениях и более внимательного регулирования культурных и образовательных взаимодействий.

Выводы

Реализация «мягкой силы» Китая представляет собой сложный и многогранный процесс, включающий культурное, образовательное, экономическое и медийное сотрудничество. Это выгодно отличает ее от специфики агрессивной «мягкой силы» Запада, значительно ориентированной на смену политических режимов стран – конкурентов. Китайская Народная Республика активно использует культурные программы и образовательные инициативы для формирования положительного образа страны и продвижения своих ценностей. Создание институтов Конфуция, предоставление стипендий студентам для обучения в китайских ВУЗах и проведение международных научных мероприятий способствуют не только распространению китайской культуры, но и укреплению академических связей. Эти инициативы являются ключевыми элементами «мягкой силы», направленными на формирование благоприятного отношения к Китаю среди молодежи и научного сообщества различных стран.

Экономические инвестиции и торговые соглашения Китайской Народной Республики с разными странами также служат важным инструментом «мягкой силы», создавая взаимовыгодные условия для сотрудничества. Китай, используя экономические рычаги, внедряет свои стандарты и практики, что, в свою очередь, способствует увеличению его влияния в экономической, культурной и политической сферах. Китайские инвестиции в инфраструктурные проекты, энергетический сектор и высокие технологии укрепляют взаимовыгодные экономические связи и создают платформу для дальнейшего международного сотрудничества.

Перспективы сотрудничества России и Китая в ценностном поле мягкой силы выглядят многообещающе. Обе страны, разделяющие схожие подходы к вопросам суверенитета, невмешательства извне и построения многополярного мира, имеют значительный потенциал для дальнейшего углубления взаимодействия. Совместные усилия по продвижению этих ценностей на международной арене могут способствовать укреплению позиций двух крупнейших евразийских держав в глобальной политической системе.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: АСТ, 2023. - 204 с.
2. Борох Л.Н. Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX–XX вв.: Лян Цичао: теория обновления народа. - М.: Восточная литература, 2001. - 285 с.
3. Ван С. «Сообщество единой судьбы человечества»: особенности китайского пути преобразования мирового развития // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. - 2022. - № 4. - С. 58-69.
4. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. - М.: ЦГИ Принт, 2022. - 760 с.
5. Гриценко Р.А. Проблематика исследований мягкой силы как способа политического взаимодействия в культурно-философском контексте // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. - 2021. - № 3. - С. 126-136.
6. Дармилова Э.Н., Джазаева И. А. Конфуцианская цивилизация Китая // Казачество. - 2019. - № 40 (4). - С. 46-50.
7. Зиневич О.В., Селезнева Н.В. Новая стратегия «мягкой силы» Китая // Вестник МГИМО-Университета. - 2022. - № 15. - С. 36-48.
8. Кобзев А.И. Особенности философской и научной методологии в традиционном Китае // Этика и ритуал в традиционном Китае. Сборник статей. - М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. - 331 с.

9. Лазутина И.В., Нагорнов В.А., Рахмангулов М.Р., Сахаров А.Г., Шелепов А.В. Систематизация лучших зарубежных подходов к реализации политики «мягкой силы» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. - 2014. - Т. 9. - № 2. - С. 229-245.
10. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. - М.: Политическая энциклопедия, 2015. - 207 с.
11. Моргентау Г. Система международных отношений. Нации в борьбе за власть. - М.: Родина, 2023. - 528 с.
12. Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // Свободная мысль - XXI. 2004. - № 10. - С. 33-41.
13. Останин В.А. От великой китайской стены к идее единой судьбы человечества Си Цзиньпина // Российско-китайские исследования. - 2020. - № 2. - С. 275-288.
14. Сердюк А.В. Социально-философские основы политики мягкой силы и культурного влияния Китая // Скиф. Вопросы студенческой науки. - 2022. - № 10 (74). - С. 184-189.
15. Хэнтань Ш. Восприятие и возрождение конфуцианства в современном Китае // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. - 2022. - Т. 2. - № 2. - С. 180-189.
16. Чжао Н. Роль «медицинской дипломатии» во внешнеполитической стратегии КНР // Социально-гуманитарные знания. - 2022. - № 1. - С. 277-281.
17. Sun Sao-Cheng. The approaches of China's soft power strategy // WHAMPOA – An interdisciplinary Journal. - 2011. - № 61. - С. 53-64.
18. Xuetong Y. Leadership and the Rise of Great Powers. Princeton: Princeton University Press, 2019. - 247 с.

References

1. Bodriyyar Zh. Obshchestvo potrebleniya [Consumer Society]. M., AST Publ., 2023, 204 p.
2. Borokh L.N. Konfutsianstvo i evropeyskaya mysl' na rubezhe XIX–XX vv.: Lyan Tsichao: teoriya obnovleniya naroda [Confucianism and European thought at the turn of the 19th–20th centuries: Liang Qichao: theory of the renewal of the people]. M., Vostochnaya literatura Publ., 2001, 285 p.
3. Van S. «Soobshchestvo edinoy sud'by chelovechestva»: osobennosti kitayskogo puti preobrazovaniya mirovogo razvitiya ["The Community of the common destiny of mankind": features of the Chinese way of transforming world development]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27, Globalistika i geopolitika [Bulletin of the Moscow University. Episode 27, Global Studies and Geopolitics]. 2022, I. 4, pp. 58-69.
4. Gerder I.G. Idei k filosofii istorii chelovechestva [Ideas for the philosophy of the history of mankind]. M., TsGI Print Publ., 2022, 760 p.
5. Gritsenko R.A. Problematika issledovaniy myagkoy sily kak sposoba politicheskogo vzaimodeystviya v kul'turno-filosofskom kontekste [The problems of soft power research as a way of political interaction in a cultural and philosophical context]. Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo [Humanities Bulletin of Tolstoy State Pedagogical University]. 2021, I. 3, pp. 126-136.
6. Darmilova E.N., Dzhazaeva I.A. Konfutsianskaya tsivilizatsiya Kitaya [The Confucian civilization of China]. Kazachestvo [Cossacks]. 2019, I. 40 (4), pp. 46-50.
7. Zinevich O.V., Selezneva N.V. Novaya strategiya «myagkoy sily» Kitaya [China's new soft power strategy]. Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin of MGIMO University]. 2022, I. 15, pp. 36-48.
8. Kobzev A.I. Osobennosti filosofskoy i nauchnoy metodologii v traditsionnom Kitae [Features of philosophical and scientific methodology in traditional China]. Etika i ritual v traditsionnom Kitae. Sbornik statey [Ethics and ritual in traditional China. Collection of articles]. M., Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva Nauka Publ., 1988, 331 p.

9. Lazutina I.V., Nagornov V.A., Rakhmangulov M.R., Sakharov. A.G., Shelepov A.V. Sistematizatsiya luchshikh zarubezhnykh podkhodov k realizatsii politiki myagkoy sily [Systematization of the best foreign approaches to the implementation of the policy of soft power]. Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika [Bulletin of International Organizations: education, science, new Economy]. 2014, V. 9, I. 2, pp. 229-245.
10. Malinova O.Yu. Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchey elity i dilemmy rossiyskoy identichnosti [The Actual past: The Symbolic Politics of the Ruling Elite and the dilemmas of Russian Identity]. M., Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2015, 207 p.
11. Morgentau G. Sistema mezhdunarodnykh otnosheniy [The system of international relations]. M., Rodina Publ., 2023, 528 p.
12. Nay D. Myagkaya sila i amerikano-evropeyskie otnosheniya [Soft power and US-European relations]. Svobodnaya mysl' - XXI [Free Thought - XXI]. 2004, I. 10, pp. 33-41.
13. Ostanin V.A. Ot velikoy kitayskoy steny k idee edinoy sud'by chelovechestva Si Tszin'pina [From the Great Wall of China to Xi Jinping's Idea of a Common Destiny of mankind]. Rossiysko-kitayskie issledovaniya [Russian-Chinese Studies]. 2020, I. 2, pp. 275-288.
14. Serdyuk A.V. Sotsial'no-filosofskie osnovy politiki myagkoy sily i kul'turnogo vliyaniya Kitaya [Socio-philosophical foundations of China's soft power policy and cultural influence]. Skif. Voprosy studencheskoy nauki [The Skiff. Questions of student science]. 2022, I. 10(74), pp. 184-189.
15. Khentan' Sh. Vospriyatie i vrozozhdenie konfutsianstva v sovremennom Kitae [Perception and revival of Confucianism in modern China]. Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom [State, religion, Church in Russia and abroad]. 2022, V. 2, I. 2, pp. 180-189.
16. Chzhao N. Rol' meditsinskoy diplomatii vo vneshnopoliticheskoy strategii KNR [The role of medical diplomacy in the foreign policy strategy of the PRC]. Sotsial'no-gumanitarnye znaniya [Socio-humanitarian knowledge]. 2022, I. 1, pp. 277-281.
17. Sun Sao-Cheng. The approaches of China's soft power strategy. WHAMPOA – An interdisciplinary Journal. 2011, I. 61, pp. 53-64.
18. Xuetong Y. Leadership and the Rise of Great Powers. Princeton, Princeton University Press Publ., 2019, 247 p.